

В тот день Нин Цюяню так и не довелось увидеть Гуань Хэна.

Весь день после обеда он маялся без дела из-за отсутствия сети и в своей комнате играл на телефоне в офлайн-головоломку.

Мелодия той песни, что он слушал в автобусе, всё не выходила у него из головы.

Он уже давно не брал гитару в руки. Изначально он как раз собирался воспользоваться этими двумя днями на острове Ду — днями, когда можно было не работать, а только сдавать кровь, — чтобы немного поиграть и заодно подобрать мелодию на слух. Но теперь у него была повреждена рука, так что об этом пришлось забыть.

К счастью, еда на острове оказалась на редкость вкусной, а врач, пришедший обработать ему рану, — вполне приятным человеком. Как и дядя Кан, он относился к Нин Цюяню очень доброжелательно.

И всё же, когда пришлось закатывать рукав для забора крови, Нин Цюянь невольно испытал неловкость.

Перед выходом из дома он толком не смотрелся в зеркало и даже не заметил, что на манжетах его свитера давно появились катышки. Свитер был связан вручную, очень тёплый, и он носил его уже много лет.

В последнее время жизнь у него и так шла под откос, и он настолько привык не обращать внимания на подобные мелочи, что только сейчас вдруг осознал, до чего же эта вещь поношенная.

— У тебя татуировка, — заметил врач по фамилии Лин. На нём были очки, и, похоже, он будто вовсе не видел этого свитера в катышках. — С виду не скажешь, что ты из тех, кто делает тату.

Сейчас кровь брали лишь на анализ перед завтрашней полноценной сдачей, и дядя Кан заранее всё ему объяснил, так что Нин Цюянь не сопротивлялся.

На гладкой светлой коже внутренней стороны предплечья у него виднелась совсем свежая татуировка. Зимой он всё время ходил в длинных рукавах, и её ещё никто не видел.

— Это на латыни. Значит «лунный свет над вершиной горы», — ровно ответил Нин Цюянь. — В этой фразе есть имя моей матери. Я сделал её в память о ней.

— В память?

— Да. Она умерла в прошлом месяце.

— Ты хороший сын, — тихо сказал врач. И так же осторожно работал руками. — Больно?

Игла вошла в вену.

Красная кровь побежала по тонкой трубке в маленький флакон.

Непонятно было, спрашивает ли он о татуировке или о заборе крови.

Но Нин Цюянь всё равно покачал головой:

— Нет, не больно.

Образец взяли совсем небольшой — на острове имелось оборудование для анализа.

Нин Цюянь слышал, что у богачей часто бывают семейные врачи, постоянно живущие с ними под одной крышей. А с учётом того, что состояние Гуань Хэна, судя по всему, отличалось от обычных случаев, осторожность тут, наверное, требовалась особая.

— Значит, завтра кровь тоже будете брать вы? — спросил он.

— Да. Завтра утром тебе нельзя будет завтракать, — ответил врач. — За один раз у тебя не возьмут много крови. Обычно около двухсот миллилитров, максимум — двести пятьдесят. Потом мы будем постоянно следить и за питанием, и за твоим состоянием. Если появятся какие-то проблемы, всё сразу остановим. Не бойся.

Это уже было прописано в договоре, и Нин Цюянь кивнул. Потом спросил:

— А чем болен господин Гуань? Раз ему нужно переливание каждый месяц?

Перед поездкой он смотрел информацию и предполагал что-нибудь вроде талассемии или лейкоза.

Но врач сказал только:

— Случай господина Гуаня довольно особый. Всё очень сложно.

«Особый случай».

Дядя Кан выражался точно так же. Раз они не хотели рассказывать больше, Нин Цюянь не стал допытываться дальше. В конце концов, не слишком вежливо выспрашивать у людей, насколько

тяжела их болезнь.

От игр у него к вечеру ужасно устали глаза.

Когда он уже прошёл больше тридцати уровней подряд, в комнату наконец заглянула служанка и сообщила, что пора спускаться в столовую.

Полный надежды, Нин Цюянь спросил, нет ли на острове места, где лучше ловит связь — он хотел написать другу и заодно скачать ещё игр. Но служанка ответила, что такого места нет.

Надежда рухнула.

Нин Цюянь чувствовал себя так, будто в эпоху интернета его посадили в тюрьму.

Он решительно не понимал, как местные обитатели вообще коротают свои бесконечные дни.

Ночью этот дом выглядел совсем не так, как днём.

Все лампы были зажжены, шторы везде распахнуты. И куда бы ни смотрел человек изнутри, в каждом окне его ждала своя безупречная картина снаружи.

Фонтан перед домом, сад, кустарники — всё было подсвечено тщательно продуманными огнями, создававшими разные композиции и наконец-то открывавшими тот роскошный, дорогостоящий облик, который этому месту и полагался.

А в столовой и вовсе всё сияло ослепительно.

Хрустальная люстра разбрасывала чистый искристый свет. На широком деревянном столе уже были расставлены изысканные блюда, фрукты и даже шампанское с высокими бокалами.

Ночью этот молчаливый особняк окончательно оживал. Дневная мрачность и глухая тяжесть бесследно исчезали — словно перед Нин Цюянем был уже совсем другой мир.

Будто день на острове Ду начинался только теперь.

Дядя Кан уже ждал его там и, увидев, как Нин Цюянь спускается, невозмутимо отодвинул для него стул:

— Прошу.

На столе было накрыто только на двоих. Столовые приборы сверкали в свете люстр так ярко, что в ложке почти можно было увидеть собственное отражение.

Нин Цюянь вдруг получил новое представление о том, как живут люди из совсем другого мира.

И как раз в этот момент в столовую вошла служанка, подошла к дяде Кану и тихо сказала:

— Господин велел передать, что сегодня не будет принимать гостя. Просит вас всё устроить по своему усмотрению.

Дядя Кан удивился:

— Почему?

— Сегодня днём господин спал в южной комнате, — ответила служанка. — Там было слишком шумно, он плохо выспался. Сейчас он вернулся в спальню и снова лёг отдыхать.

Дядя Кан взглянул на Нин Цюяня и спокойно сказал:

— Понятно.

Услышав этот разговор, Нин Цюянь с запозданием занервничал.

Значит, тот самый «господин» — это и есть Гуань Хэн. И две сервировки на столе были приготовлены не для него и дяди Кана, а потому что хозяин дома изначально собирался ужинать вместе с ним.

А в следующую секунду Нин Цюянь тут же испытал огромное облегчение.

Он украдкой выдохнул про себя так, будто с плеч свалился камень. Очень кстати, что тот не придёт. Ему совершенно не хотелось сидеть за одним столом с хрупким, драгоценным, да к тому же незнакомым богачом.

Даже если бы они и правда оказались друг напротив друга, разговаривать им было бы решительно не о чем.

Дядя Кан повернулся к нему:

— Прошу прощения, господин сегодня не сможет прийти. От его имени я приветствую тебя.

— Ничего страшного, — поспешно ответил Нин Цюянь. — Пусть господин Гуань как следует отдыхает. Здоровье важнее.

Тяжело больные люди часто много спят. Это он прекрасно понимал.

Дядя Кан слегка склонил голову и отошёл.

Ночью Нин Цюянь спал беспокойно.

Ужин оказался совсем не таким, как обед: почему-то всё подали исключительно вегетарианское. Еды было много, и выглядело всё очень аппетитно, но Нин Цюянь так и не наелся.

К тому же, сидя один в ярко освещённой, изящной столовой, с мягкой салфеткой на коленях и дорогими приборами в руках, он всё равно ощущал вокруг слишком много тишины. Внешняя роскошь казалась поверхностной, а под ней стояла мёртвая неподвижность.

Совсем как в начале какого-нибудь фильма ужасов, который он смотрел в детстве.

Он не знал, сколько проспал, когда внезапный оглушительный звук вырвал его из сна.

Нин Цюянь резко сел на постели. Он не понял, что произошло, но сердце колотилось так, будто готово было выскочить из груди. Он нащупал телефон и взглянул на экран — половина второго ночи.

«Бах! Бах!»

Ещё два выстрела.

На этот раз Нин Цюянь ясно расслышал: это были именно выстрелы.

Он тут же надавил на выключатель у изголовья, пытаясь включить свет, но именно в такой момент электричество, как назло, пропало.

Комната погрузилась в кромешную тьму. Откуда-то доносились собачий лай и голоса.

Подсвечивая себе телефоном, Нин Цюянь слез с кровати и подошёл к окну. Но снаружи тоже было почти ничего не разглядеть — только белизну снега под ногами да тёмные очертания далёких холмов.

Вспомнив слова дяди Кана, он быстро подбежал к двери и дёрнул за шнурок колокольчика. Но сколько ни ждал — никто не пришёл.

— А-а-а!..

По дому пронёсся душераздирающий крик.

У Нин Цюяня сердце едва не оборвалось.

Этот пронзительный вопль разнёсся по дому гулким эхом. Было ясно, что кричал мужчина — кричал от боли.

В панике Нин Цюянь заставил себя успокоиться и осторожно приоткрыл дверь.

В коридоре стояла непроглядная темнота, но там было тихо. Судя по звукам, всё происходило где-то в другом конце дома.

Он снова закрыл дверь, на мгновение зажмурился, выравнивая сбившееся дыхание, потом, поразмыслив несколько секунд, резко принял решение. Подобрал с ковра почти не распакованную холщовую сумку, схватил гитару и, распахнув дверь, быстро вышел.

По дороге ему не встретилось ни души. Ни слуг, ни дяди Кана.

Все странности, которые он заметил с самого приезда, будто именно сейчас начали складываться в ответ.

Освещая путь только фонариком телефона и полагаясь на смутную память о том, как устроен дом, Нин Цюянь долго метался по тёмным коридорам, налетая на стены и углы. Прошло немало времени, прежде чем он сумел спуститься вниз. Ещё больше времени ушло на то, чтобы, задыхаясь всё сильнее, наконец нащупать дверь, ведущую наружу.

Ледяной воздух ворвался в лёгкие, обжёг лицо.

Снег всё ещё шёл, и земля белела до рези в глазах.

По снегу растеклось густое ярко-красное пятно крови — как подтаявший сладкий щербет.

И тут кто-то спереди заметил его лучом фонаря и крикнул остальным:

— Здесь!

Собачий лай тоже тут же рванулся в его сторону.

Нин Цюянь застыл на несколько секунд и, глядя против света, увидел в чужой руке ружьё.

Он вспомнил того парня в наручниках. В одно мгновение голову заполнили самые жуткие версии: торговля людьми, чёрный рынок органов, семейная кровная месть — что угодно. И он сорвался с места.

Совсем рядом с домом начинался лес. Но стоило ему влететь туда, как стало только хуже — в темноте невозможно было понять, куда бежать.

На незнакомом острове, посреди ночи, он окончательно потерял направление, несколько раз упал, и гитара с сумкой превратились в обузу. Пришлось, спасаясь бегством, по пути бросить и то и другое.

Он уже не знал, сколько пробежал, когда вдруг под ногой раздалось сухое:

«Хрясь».

Будто что-то треснуло.

— Не двигайся.

Одновременно с этим раздался низкий мужской голос — совсем рядом.

Так близко, словно прямо у него за спиной.

Нин Цюянь машинально замер.

Лицо у него от бега уже онемело от холода. Стоило остановиться — и он почувствовал, как носоглотку и горло словно жжёт огнём. Он тяжело задышал:

— Ха...

— Ты наступил на тонкий лёд. Ещё шаг — и провалишься.

Голос приблизился ещё больше, и теперь Нин Цюянь уже не сомневался: человек действительно стоял у него за спиной.

Это был молодой мужчина. Голос — холодный, как нынешний ветер, интонация — лениво-

равнодушная, будто ничего опасного здесь не происходило и говорить, собственно, было не о чем.

Всю дорогу Нин Цюянь не замечал, чтобы за ним кто-то шёл. Каждый раз, когда он в панике оглядывался, позади никого не было.

Так откуда же взялся этот человек, возникший за спиной, точно призрак?

По коже у Нин Цюяня мгновенно побежали мурашки. Он и без того не смел шевельнуться, а теперь и вовсе застыл.

Под ногами снова послышался тихий треск льда.

В следующий миг Нин Цюянь вдруг почувствовал, как его резко обхватили за талию.

— А!

Он даже не успел понять, что произошло. Чья-то рука, легко, почти небрежно, подхватила его и одним движением вынесла в сторону. Когда ноги снова коснулись снега, Нин Цюянь только тогда осознал: его, взрослого человека, просто взяли и перенесли — будто это ничего не стоило.

Лёд под ногами тут же проломился и рухнул в воду.

На поверхности озера осталась чёрная дыра.

Снег был рыхлый, и, когда Нин Цюянь поскользнулся и едва удержался на ногах, телефон вылетел у него из руки и упал в сугроб.

Когда он наконец выпрямился, тот человек уже отошёл от него на два-три шага.

Во тьме снег казался тем белее, чем отчётливее на его фоне выделялась чёрная фигура незнакомца.

Нин Цюянь тяжело и рвано дышал. Разобрать он мог только одно: человек был очень высокий, с длинными волосами; если не смотреть на фигуру, его и мужчиной назвать было бы не так просто.

И ещё одно не давало ему покоя: в такую стужу на незнакомце, кажется, был только тонкий халат.

Нин Цюянь даже видел его шею и щиколотки — такие же бледные, как снег.

— Господин! — крикнули неподалёку. В лесу замелькали огни фонарей. — Господин?!

— Я здесь, — небрежно отозвался мужчина.

Нин Цюянь поднял телефон. Экран был весь в снегу.

Он не знал, попала ли внутрь влага.

Пока он пытался понять, стоит ли ещё бежать, люди уже подошли совсем близко.

Голые деревья в ночи топорщили ветви, будто тянули к небу когти. Несколько лучей фонарей скользнули по профилю мужчины.

Нин Цюянь застыл.

— Господин, зачем вы ушли так далеко?

Среди подошедших оказался и дядя Кан — седой, старый, совершенно живой и невредимый. Судя по всему, остальные тоже были целы.

Увидев Нин Цюяня, дядя Кан удивлённо поднял фонарь, пытаясь лучше его разглядеть:

— Это Сяо Нин? Как же тебя занесло так далеко?

Но Нин Цюянь всё ещё не мог ни толком думать, ни отвечать — он всё ещё был в том состоянии, когда тело продолжает бежать, даже если остановилось.

Свет резал глаза, и он машинально заслонил лицо рукой.

— Да, — коротко подтвердил молодой мужчина.

Вокруг загомонили — обсуждали, что ещё нужно продолжать погоню и кого-то ловить.

Пока дядя Кан накинул на дрожащего от холода Нин Цюяня чужую верхнюю одежду и что-то успокаивающе говорил ему, тот человек уже успел уйти с несколькими другими далеко вперёд.

Дядя Кан не стал ругать Нин Цюяня за то, что тот выскочил наружу. Только мягко спросил:

— Сильно испугался?

— Дедушка Кан... что это было? — У Нин Цюяня на кончике носа выступил холодный пот.

— Вернёмся — расскажу. — Дядя Кан похлопал его по плечу.

Нин Цюянь всё ещё не пришёл в себя. Он продолжал думать о человеке, который стоял на снегу.

В мерцающем свете его лицо осветилось лишь на миг — высокая переносица, глубокие глаза, слишком совершенные, чтобы быть настоящими; длинные ресницы отбрасывали тень, а в чёрных зрачках теплилась едва заметная искра света.

Неужели такие красивые люди и правда существуют?

От одного этого мимолётного взгляда Нин Цюянь был потрясён.

Он догадался: тот человек в снегу, должно быть, и был легендарным Гуань Хэном.

<http://bllate.org/book/17881/1710709>